

Алексей ЯШИН

ЗИМНЯЯ РЕЗИНА

С.П. Козубенко

Отнеслись намеренно в частном разговоре, Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская – деньгу уметь зашибить.

Ф.М. Достоевский «Бедные люди»

Антон Котелкин в позапрошлом году с грехом пополам окончил школу. Впрочем, у него и родителей и мысли не промелькнуло о поступлении на дальнейшую учебу. В роду у семейства, в третьем поколении проживавшем в окраинном Косолучье в двухэтажном, восьмиквартирном шлакоблочном доме предвоенной постройки, поползновений на «верхнее образование» не наблюдалось. И родители Антона, и дед с бабкой по отцовской линии (по материнской деревенские) – все рабочая кость. И место их работы одно и то же – металлургический завод, из поселка, при котором образовалось нынешнее Косолучье, несколько обособленная часть городского района. Мужчины Котелкины в горячем цеху, женщины – во вспомогательных службах.

В их большом дворе из шестерки однотипных домов, переделанных в квартирные из первоначальных бараков для рабсилы новостроящегося металлзавода, а затем в школе Антоху дразнили присказкой, исстари бытовавшей в соседней с Косолучьем, через Гнилой ручей, Лентяевке: «Да ну – котелки гну, погну-погну, еще найду». Взрослеющего парня это злило, не любил он афишировать легкомысленную свою фамилию, хотя бы дед, Котелкин-старший, и объяснил еще начальному школьнику Антону, что ничего зазорного в их родовом поименовании нет: «Ребята дразнятся – а ты мимо ушей их слова пуцай. А фамилия наша очень даже почтенная. Еще мой дед в бубличной артели трудился, что в Лентяевке располагалась при НЭПе. Их различно пекут, а в дедовой артели на паях

Алексей Афанасьевич ЯШИН родом из Заполярья. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских литературных премий. Член Союзов писателей России. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.

Живет в Туле.

бублики творили в специальных котлах. Отсюда и название бубликов и работающих их: котёлки и котельщики, от чего и фамилия наша».

Антон был поздним по рождению. Замужняя сестра, дядька и две тетки по отцу – все жили своими семьями, в том же Косолучье, но только в многоэтажках, которых несколько улиц понастроил металлургический завод для своих работяг к исходу советской власти. Сейчас проживал с родителями и бабкой, отцовой матерью. Дед немного недотянул до окончания внуком школы. «Ты, Антоха, парень не дурак, а по нынешним деньголюбивым временам и вовсе в масть попал. И рабочая хватка в тебе по нашей линии замечается, но еще больше куркульная – от твоей матери из деревенских, – необходимо поучал старшего школьника Антона дед, выпив в выходной день свою законную (горновым был!) пенсионную чекушку, – сейчас не работа до седьмого пота в чести, но умение деньгу зашибить, особо не утруждаясь. Так что не зря ты еще в первом классе копилку себе завел – все же в нынешние времена родился, в новый век и в новые порядки, так что с малолетства силу денег уважаешь. Действуй так и дальше; хотя это не по мне, но сила соломой ломит, не нами придумано, не нами введено. Но смотри, деньги штука опасная, с поделдычиной: вложишь в их накопление годы, а они у тебя обратятся в совершенно ненужную хреновину». Как в воду дед глядел, после смерти своей уже накаркал внуку.

Памятуя, что трудовые династии ныне не в чести, опять же трудом праведным не наживешь палат каменных, Антон не пошел на завод, но устроился, по совету

и замолвленному словечку более старших дворовых приятелей, в оптовку по продаже холодильной техники: кем-то средним между грузчиком и экспедитором. Здесь же в Косолучье, недалеко от дома. Как он объяснял знакомым ребятам, родителям тож, «это для приучки; годика полтора здесь прокантуюсь, войду в курс дела, потом подберу что-либо посерьезнее». Главное, в оптовке диплом о «вышке» не спрашивали, а сам Антон вырос крепким, жилистым, как говорил дед, никакой работой не гнушался – лишь бы деньга шла аккуратно. Пил очень умеренно, не курил, на девок красивых не тратился – дурнушки ничем не хуже, в сумерках все кошки серые... Жениться твердо планировал на работающей по дому девице, попривлекательнее, конечно, желательнее из семьи только что перебравшихся на косолученскую окраину деревенских, то есть не опаскудившей в городской жизни. И жениться только через три года, а до того исполнить главную, еще со старших школьных лет, мечту: купить машину среднеприличной марки. Причем новую, не подержанную развалюху. И гараж под нее из числа тех, что с советских времен полукилометровой длины кооперативом располагались позади их дома – через дорогу на завод.

Худо-бедно, но счет деньгам, хотя бы небольшим, в холодильной оптовке пошел. Трат почти никаких, даже на невидных окраинных девок, кормежка от родителей, понимающих, что сейчас молодой, видный собой парень без машины все одно как кавказец без усов (на косолученском рынке) или поп на всенощной без рясы.

По врожденному косолученскому пролетарскому недоверию

ко всему на свете, счета в банке Антон не открывал. Поначалу хранил на пластиковой карточке, что заставили завести в оптовке для перечисления зарплаты. Как-то до него сразу не дошло, что это все тот же банк, что может рухнуть в одночасье (телевизор хоть редко, но доводилось смотреть) вместе с тоннами пластика, отштампованного карточками. Раз вернувшись из оптовки затемно – задержали с приемкой новой партии белорусских холодильников, – попридержался домой идти, присев с устатку к стоявшему в углу двора доминошному столику, за которым в тот час ребята, сверстники и однокашники его по школе, что-то о долларах гомонили, попивая пиво из полторашек из соседнего с двором магазина. Подсел как раз вовремя: Григ по-дворовому и школьному, то есть Гриша Тетерин, одноклассник Антона, член косолученского райкома комсомола, яростный коммунист и с этого года студент Тулуповского университета, проводил агитбеседу с ребятами – и как раз по части хитрости финансового олигархата по обиранию доверчивых, а значит, глупых, граждан с помощью пластиковых карточек. Во-первых, хорошо поставленным голосом партийного оратора объяснял Гриша, пластиковая карточка – это современное воплощение Старшего Брата из гениального провидческого романа «1984» Джорджа Оруэлла, который, само собой, никто из вас не читал и читать не будет, а поэтому проще говоря, по этой на вид безобидной карточке каждый ваш шаг и рубль контролируются кем надо, то есть все вы под постоянным круглосуточным надзором. Но, во-вторых и в главных, своими карточками вы, дорогие мои, добровольно и

бесплатно приумножаете капиталы банковских финансовых олигархов. Как? А просто, это олигархат наращивает свой капитал, как старуха-процентщица из «Преступления и наказания», о котором-то в школе вам говорили, то есть дают деньги в рост под проценты. Если человек снимает со своей карточки хоть рубль, то этот целковый, к огорчению банка, у него выпадает из роста. А вот все, что на карточке хранится, то пускается банком в оборот. Понятно? Вот поэтому, используя всю лоббистов и где надо и примитивные откаты, всех вас и перевели на карточную систему, которую во всяких супермаркетах поощряют скидками при покупке на карточку. Для миллионов же лохов, жертв телепропаганды, введение карточек объясняют, мол, удобством для граждан и защитой своих карманов от мелкого воря. Крупные же воры с карточками кидают...

...После ужина, прилегли в своей комнатке отдохнуть на диване, Антон переварил услышанное от комсомолиста Грига. Всеобщий надзор его особо не беспокоил: деньги неворованные, честно заработанные. А где он находится, снимая карманную мелочевку на пиво и автолайн, так плевать ему: пусть фиксируют, не в бегах он с кича. Но что он, Антон, своими мозолистыми трудовыми бесплатно и добровольно обогащает и без того распухших от денег банкиров, разворовавших, как говорил дед, все народное достояние, это его предельно возмутило. Не потому, что родину продали. «Не надо было самим в стороне стоять, нужно воров бить спервоначалу», – так тогда и говорил смущавшемуся от правоты слов школьника внука деду Антоха. Нет, продали

так продали, разворовали тож. Не первый раз в тысячелетней истории. Но вот самому еще обогащать банкиров! – На те, выкусите!

На другой же день после политбеседы Гриши Тетерина Антон обнулil карточку и далее в каждый зарплатный день стал то же самое делать. Наличку хранил по-куркульски дома, в своей комнате. Вспомнив слышанное, что-де лучшее место хранения – на самом виду, отыскал в кладовке старый, давно не работавший приемник «Альпинист», на который сейчас и дитя неразумное не польстится, вытащил все его внутренности, а в корпус складывал деньги, снимаемые с карточки. Лже-приемник вроде как небрежно поставил на полочку со всякой мелочью. По кражи не опасался в принципе: еще бодрая бабуся, хлопотунья на кухне, весь день дома, все хозяйство на ней. Дверь в квартиру входную по принятой сейчас моде отец еще три года назад бронировал, да в их дворе с автономными порядками, взаимной бдительностью с советских времен своих не баловали, дескать, не воруй, где живешь, а чужаку и спьяну не придет в голову сунуться сюда подломить чего: кулаки у жителей домов с общим двором еще сохранили пролетарскую ядреность.

Не то что гром с ясного неба, не на Луне живем, но повестка из военкомата неприятно поразила Антона. Это-то на год целиковый рушить свои выверенные планы с машиной и женитьбой? Нехорошо их ломать по чужой воле. Задумался Антон. И бабка, нарочито подслеповато прочитав казенный документ, как-то загадочно, подеревенски, вроде как в сторону только и сказала: «По нужде и закою перемена бывает».

Покойный дед, кладезь житейской мудрости, охочий для воспитания внука, выйдя на пенсию из доменного цеха, имея досуг времени и честно заслуженную чекушку к обеду, словоохотливо посвящал Антошку в нравы старого Тулуповска и их рабочего поселка при заводе в особенности. В царские времена, еще с допетровских, в рекруты на солдатскую службу из их города, славного своим металлическим делом на пользу государеву, не забривали мастеровых. Казюки, то есть работающие по казенной надобности, имели и другие вольности, не только в службу их не брали, но и налоги не взымали, чем и разбаловали местный трудовой народ. Поэтому когда с приходом советской власти казюков уравнили со всем иным народом страны по части обязательной воинской повинности, то есть почетной обязанности, то разбалованное население города встретило это с неодобрением. Понятно, что в довоенные годы сталинских пятилеток дело ограничивалось глухим ворчанием. Затем вся страна воевала. Тулуповск в ней трудовым и воинским подвигом отличился. Не до старинных вольностей было. Но потом, особенно с хрущевских послабленческих времен, о вольности прежней вспомнили, но, как это принято в русском народе с древности дотатарской, исполнять ее начали явочным порядком, с ног на голову поставив. В городе, особенно на рабочих окраинах, где с послевоенных времен блатняк во многом эти самые головы молодежи допризывной задуривал, установилось мнение, что лучше год-другой на киче за какую-нибудь мелочевку отбыть, нежели тройбан в пехоте маршировать, а морячить и вовсе четыре года. К тому

же в армии ничему полезному для дальнейшей жизни не выучат, а в зоне, крытке или лучше лагере общего режима, мигом из вчерашнего школяра или фабзайца после седьмого класса воспитают человека с понятием. Да и ремеслу заодно в цехах промки обучат – все на пользу. Работяги, особенно на тяжелых производствах, всегда нужны, поэтому после освобождения в отделах кадров заводов ненужных вопросов не задавали. И кадровики не с другой планеты, понимали побудительную причину отсидки. Словом, исправленному верить, как в одноименной кинокартине.

После сокращения сроков службы в армии и на флоте, особенно в «золотые» брежневские годы, когда и дедовщина^{1*} притихла, маятник общественного мнения качнулся от отсидки к службе. В нынешние же времена с годичной срочной службой традиция заместительной отсидки и вовсе сгинула, тем более что с официально признаваемой безработицей и кратным сокращением промышленности иметь судимость – самый безысходный волчий билет. Так завершилась традиция тулуповской вольности. Но на смену ей, уже в масштабах страны, в девяностые годы массово расплодилось уклонисты, протянувшиеся и в двухтысячные. Однако в последние десять-пятнадцать лет и уклонисты в числе сократились. Причина столь позитивного явления понятна: численность армии сократилась до мобильной, оптимальной, высокоточной и пр. ее современной организации. В то

же время постоянно возрастает, особенно во флоте и спецподразделениях, численность сверхсрочников, именуемых по-американски контрактниками. Наконец, в многомиллионные структуры так называемых силовых ведомств, охранников частных лавочек, вроде как уже и чиновников с депутатами на службу предпочтительно принимаются (у депутатов – избираются) отслужившие в армии.

Таким образом, пропал смысл уклонения, тем более что при названном раскладе далеко не каждый допризывник без права отсрочки и повестку-то получал. Великая вещь бесплановая организация общества – не только рыночная экономика. Все само собой к лучшему устроению этого общества решается.

Вообще говоря, Антон – не ботаник, не полный дурак и по фигуре плотный – отслужил бы свой год, но... это рушило его трехгодичный план. А их, планы, рушить нельзя – Антон к своему самооправданию припомнил рассуждения деда о безусловном выполнении сталинских пятилеток и хрущевской семилетки. Посоветовался, поставив пару бутылок дешевой водки, во дворе с молодыми мужиками, откосившими в девяностые-двухтысячные от армии. Те советовали по нынешнему времени, когда все с младенческого возраста занесены во всевозможные базы данных служб и ведомств, косячить исключительно по линии медкомиссии. Поскольку здесь откупили второй бутылек,

^{1*} Дедовщина появилась в армии в одночасье при сокращении срока службы в шестидесятые, когда пересеклись служившие с прежним, трехлетним сроком и с новым двухлетним (соответственно, во флоте годковщина – для четырех- и трехлетнего сроков), как выражение обиды первых на вторых. Народ наш любит справедливость... но своеобразно. – Прим. авт.

то советов столько надавали, что, придя домой, Антон записал их для верности памяти. Еще пару вечером пошарил по инту – здесь уже ребята со двора помоложе подсказали нужные сайты. К явке на медкомиссию основательно подготовился и высказал ей свои опасения в части здоровья сразу по трем *нозологиям*, как выразился на медицинском языке председатель комиссии. Белохалатники понимающе ухмыльнулись, но – демократия, права личности – так и выдали три направления в различные учреждения.

Пока он ходил не торопясь по ним, козыряя в оптовке перед начальством повесткой из военкомата и направлениями, срок призыва закончился. Везде ему дали отказ, а в военкомате принесенные им справки-отношения подшили куда надо и отпустили Антона до следующего призыва. Но то ли его учетную карточку, как сейчас положено оцифрованную, куда-то в дальний угол памяти компьютера загнали, может, к следующему призыву затребованное от военкомата число рекрутов сократилось, или потенциально больного в своем воображении призывника зачислили по категории «сомнительных», но в последующие три года исполнение личного плана Антона более повестками не беспокоили. Впрочем, как и далее до окончания призывного возраста.

Деньги копились. Со временем корпус «Альпиниста» стал маловат для тысячных и пятихаток. Антон обменял их на пятитысячные и купюры с видами дальневосточного космодрома, выполненные под кредитки евро. Издалека и к будущей

супруге из деревенских присматриваться стал, в смысле отбирать круг кандидаток. Начал с приобретения гаража из советского еще кооператива, что через дорогу от их двора с домами. Кооператив обычный, как в шестидесятые-семидесятые годы строили: в длинную сплошную линию вдоль дороги. Сами коробки секций сварные железные с кирпичными стенками-перегородками между ними. В «золотые» семидесятые народ начал приобщаться к солидной автомобильной собственности, тем паче косолученские металлурги горячих цехов с профессорской^{2*} зарплатой. Поэтому в кооперативе напротив через дорогу к Антонову двору чередовались секции-гаражи заводского начальства и рабочих. В новейшие времена, со сменой поколений, часть гаражей принадлежала самим заводским или их детям, а поболее половины были заняты иномарками совсем уж посторонних людей, проживавших в этом районе и купивших под них стойла в девяностые и немного поздние годы. Хотя завод и в те годы работал на Запад, войдя в американскую металлургическую компанию, но в целом народ нищел, продавая все что можно.

Когда Антон начал «вентилировать» насчет гаража, то все во дворе недоуменно спрашивали: «Чудишь, Антоха, барствуешь! Зачем тебе эта возня с гаражом? Сейчас у всех машины, оглянись: все дворы, тупики, помоечные площадки ими забиты, никто о них особо не волнуется, давно уже никто машины не угоняет – что с ними делать, на запчасти они не годятся, так сделаны, да и кто сейчас сам

^{2*} Чтобы не напугать читателя: речь идет о советской профессуре с окладами в 400-500 и (порой) более рублей. – Прим. авт.

ремонтировать умеет? Опять же продать ворованную сложно, гайцы все на своих компах видят...» Антон отмахивался. Не будет же он в открытую говорить, что не подержанную машину собирается брать, и из тех, что клепают в соседней Калуге на заводике отверточной сборки... да и в их области, в районном городке, пышно именуемом в телеящике «индустриальным технополисом», вот-вот начнут отвертывать-завертывать какую-то китайщину. Нет, Антон нацелился в своей трехлетней программе жизни на родную «тойоту», хотя и не высшего класса, но из тех, при взгляде на которую дворные парни поцокивают во рту языками, а незамужние девки и бабы помоложе о чем-то задумываются. Но главное – воспитанный в коренной рабочей семье и вообще среде, уважал он основательность и порядок в своих делах. И хотя бы в их доме только два автовладельца, так что для его грядущей «ласточки» найдется постоянное личное место для парковки под стенами квартиры, но вид собственной машины, брошенной на ночь под открытым небом с его дождем и снегопадами, хотя бы пока вид в мыслях, оскорблял его чистоплюйный до брезгливости к беспорядку характер. Не воруют – не воруют, но на новенькую фирменную «маде ин джапан» машину могут и покуситься. Тоже не исключено.

Распросив дворовых ребят, получил Антон наводку на отдаленно им знакомого, как все друга друга в лицо, часто и по именам, в их автономном дворе с шестью малоквартирными домами ведают, пожилого, только-только успешшего оформить себе пенсию по советской еще возрастной шкале, но продолжающего работать на

заводе в плановом отделе Сергея Ильича Фирюлина. А Антонов батя и вовсе хорошо его знал: оказался Фирюлин в свои тридцать лет последним парторгом доменного цеха – а это поболее трети всего завода! Тогда же, на скончании советской власти, на скопленные работой от инженера до зама начальника цеха по плановой части купил «жигуленка» новой модели и приобрел кооперативный пай, то есть гаражную секцию. Сам он пользовался машиной, только отвозя на выходные дни супругу на дачные работы, – ей от родителей со временем достался дом с участком в ближней, за заводом, деревне Осиновая гора. К окончанию девяностых годов подросший сын, занявшийся каким-то разъездным «бизнесом», в считанные лета доконал нежный продукт советского автопрома. Когда в первую половину двухтысячных сынок завел себе иномарку, занявшую в гараже место отслужившего свое «жигуленка», то последнего перегнали на Осиновую гору, где он скоро доржавел в сарае и был за копейки отдан кому-то из местных на запчасти. Еще через пяток лет сын бывшего парторга удачно вписался в более крупное предпринимательство, приобрел квартиру поближе к Москве, кажется (отец Антона точно не знал), в Подольске, куда и убыл со своей иномаркой, молодой женой и народившимся дитем.

На опустевший тогда гараж Фирюлина сразу нашлись охотники, но бывший парторг, во-первых, став в девяностые истовым коммунистом-ортодоксом (может, обиделся на неудачу с партийной карьерой?), презирал частнособственнические нравы соседей, заполнивших своими «самодвижущимися железками» весь двор,

и напрочь отказывал; во-вторых же, этого не позволяла домовитая супруга: за лето в Осиновой горе, особенно после выхода на пенсию, она умудрилась затарить сельхозпродукцией на зиму до сотни трехлитровых банок, которыми уставляли полки всех стен гаража. А в тамошний погреб, первоначально предназначенный под смотровую – для починки и регламента автомобиля – яму, на ту же зиму загружались мешки с картошкой, капустой, морковкой, даже с антоновкой. Добираться до своей избы в Осиновой горе и без собственной машины проще простого: впритык к деревне располагался заводской дачный кооператив, куда и доставлял за полчаса рейсовый заводской автобус, сохранившийся даже при переходе завода в частные руки. «Сволочи эти работяги, – добродушно по этому поводу говорил директор от компании-владельца, – автобус им подавай! – и, чуть подумав, вспомнив схожие рассуждения давнего американского президента, добавлял – но ведь *свои* сволочи!» Перевозил же осенний сбор урожая в мешках и банках в гараж Антонов дядька, отцов младший брат, шофер в заводском автохозяйстве. Ему же доставались и излишки собранной картошки и яблок.

Зная от отца и всеведущих дворовых ребят и мужиков о коммунистических чудачествах Фирюлина, Антон начал издалека подъезжать к Сергею Ильичу, по давней парторговской привычке полагавшему необходимым общаться по выходным с *народом* за дворовым доминошным столом. Не пренебрегая и принятой в таком действе «водочкой под селедочку». Хотя Антон водовкой из экономии не увлекался, а «забивать козла» полагал

глупейшим занятием, но для пользы задуманного дела перестал пренебрегать стучанием костяшками, стараясь играть в паре с Фирюлиным. Услышав от него, что антикоммунисты во власти запретили подписку на *наши* газеты, Антон мигом сообразился. Отловив во дворе комсомолиста Гришу Тетерина, разговорил того, сообщил о проявившемся у него интересе к идеям современного коммунистического движения, пожаловался на отсутствие в вольной продаже соответствующей газетной периодики. Расчувствовавшийся Гриша стал регулярно, раз в неделю-две, приносить ему «из райкома» свежие номера областной «Тулуповской правды». Иногда и столичные «правды» (их сейчас несколько издается...) вручал неопиту самого верного в мире учения. Пару-тройку раз дарил и брошюры Зюганова. «Вчера из столицы несколько пачек из ЦК в обком для распространения привезли», – пояснял Гриша.

Понятно, время деньги, опять же не должен будущий автомобилист глаза портить, Антон газеты и брошюры даже не пробовал читать, а передавал Сергею Ильичу: сначала вроде как случайно встречая во дворе (за доминошным столом не хотел себя афишировать – мало ли что? живем-то в мире стремительно меняющемся...), затем получил приглашение заходить к нему домой: не только прессу передать, но «про жизнь нашу нелегкую поговорить». Порой по часу-полтора, изображая на лице понятливость и сочувствие, терпеливо выслушивал лекции Сергея Ильича о временном поражении коммунизма в стране, советовал прочитать «Капитал» и присматриваться к китайскому опыту.

В один летний день начальник Антона послал его в центр города в один из хозбытовых магазинов, в который оптовка поставляла холодильники: подписать договор, дескать, все у нас сегодня в разгоне, ты уж прогуляйся, больше некого послать. Антон задание выполнил, решил действительно прогуляться вниз по проспекту, внимательно разглядывал мчащиеся дорогие иномарки, что только в центре и увидишь. Июльская погода, тем более сейчас, в глобальное потепление (приходилось по телевизору слышать), коварна и быстро переменчива. Не успел он дойти до конца проспекта, как полнеба заволочло зловещей тучей, загромыхало, вдарил тропический ливень. Еле успел Антон вскочить в дверь первого попавшегося магазина в полуподвале. Оглянувшись округ, обнаружил полную пустоту – только пожилая продавщица и какие-то книжные завалы вдоль стен. «Да-а, редкие нынче посетители в нашем букинистическом магазине, – заметила скучавшая продавщица, – тем более такие молодые. Что вас интересует из литературы?» Вспомнив к случаю жалобы экс-парторга Фирюлина на недоступность книг Генералиссимуса – «чертов Кукурузник из библиотек и продажи все велел изъять; надо как-нибудь доехать в центр до букинистического», – Антон и выпалил о своем интересе к наследию Сталина. «О-о, молодой человек, как раз вчера принесли первые пять томов его собрания сочинений в подарочном малоформатном издании начала пятидесятых годов. Вот, смотрите».

Антон даже залобовался изящными томиками «под карман» в тисненых золотом красных переплетах, новехонькими на вид,

несмотря на их семидесятилетний возраст, с шелковыми закладками. Поинтересовался ценой. «Да смешная за такое-то издание, всего шестьсот за все пять томиков, но я вам еще и скидочку сто рублей сделаю, берите!» Пятихатка, конечно, тоже деньги, но, как говорил Фирюлин словами иезуитов, правда, по другому поводу, великая цель оправдывает средства. Вечером того же дня Антон преподнес роскошные томик Сергею Ильичу, попервоначалу даже на миг онемевшему, но затем пришедшему в неподдельный восторг. Партийный дар обмывали на кухне полубутылкой коньяка. «Вот так в жизни и бывает, – говорил немного захмелевший хозяин гостю и благодетелю, – родной сын в буржуазию торговую с головой подался, а вот ты, сам рабочий и из семьи потомственных пролетариев, совсем молодой еще, вместо танцулек в клубах этих с наркотой, после работы, по вечерам читаешь партийную литературу. Нет, зря клеветают по радио и телевидению на нашу молодежь, дескать, совсем пропащая, безыдейная и бездуховная. Пока такие вот Антоны есть – будет и будущее у нас... разумеется, светлое коммунистическое!»

...Где-то ближе к наполнению корпуса от «Альпиниста» требуемой трехлетним планом суммой Антон, вроде как случайно, оговорился в гостях у Фирюлина, что вот собирается приобрести автомобиль. Уловив внезапную настороженность в глазах собеседника, пояснил: машина-то ему и даром не нужна, нет в его характере стремления к собственности, но требуется для *работы*: иногда ему дают старшие товарищи задание доставлять по адресам партийную печать. Общественный транспорт

совсем развалился, все на свои автомобили пересели. «Так что, Сергей Ильич, как говорил Ленин, приходится бить врага его же оружием». Фирюлин облегченно обмяк и уже сам предложил пользоваться его гаражом, когда Антон высказал опасение, что будет опасаться оставлять во дворе машину с *литературой*. «Будем, Антон, совместно пользоваться гаражом. А чтобы фискалы всякие и инспекции к тебе не придирались, так я тебя официально совладельцем впишу в кооперативные ведомости. Чтобы Степановна моя – баба она и есть баба, даже интеллигентская, бывшая учительша – не ворчала, ведь не трудно будет тебе ее летом пару раз в месяц до Осиновой горы домчать? Вот и договорились».

С гаражом дело на мази. С деньгами с середины второго года в оптовке и вовсе замечательно пошло. Не стахановскими, конечно, темпами, но без сомнения в исполнении трехлетнего плана. А все просто: наемному директору базы (хозяин с обилием таковых проживал в столице) приглянулся парень с потомственной рабочей косточкой, хотя и себе на уме, как все нынешние молодые, но добросовестный и аккуратный. Так Антон стал бригадиром, старшим менеджером по официальной записи. Под его началом пять мужиков грузчиков-экспедиторов и его ровесница, кстати, из *деревенских*, в первом поколении перебравшихся на косолученскую окраину города, миловидная, дальняя родственница директора оптовки. В ее обязанности входит вся бригадирская канцелярия – в крохотной комнатухе: стол с компьютером, стул, полка с папками и отсутствие окон.

То ли от несколько суеверной бабки ему передалось, а может, от ранних детских впечатлений, застолбивших в голове сумятицу двухтысячных годов – прямых наследников «лихих девяностых», понятно дело, не из газет и радиотелевидения, но из опасно-нервического поведения своих семейных... словом, некоторая мнительность в Антоне присутствовала. Сам себя стыдясь, вроде как по делу останавливался на тротуаре, увидев впереди себя перебежавшую его черную кошку – пока кто-то другой эту черту не перейдет. Вот по этой причине, мол, по приметам неродившемуся еще младенцу коляску и другое придание не покупают, Антон твердо решил оформлять права только после покупки машины. Тем более что его дворовые дружки с машинами давно научили его ездить – не только за городом, но и по окраинным косолученским улочкам, отродясь не выдавшим гаишников. И матчасть, очень понятную рабочему человеку, выучил по руководствам на автомобильных сайтах. То есть после покупки авто заплатит за курсы, объяснив все руководителю, сдаст экзамены и оформит права у гаишников. Расходы на курсы, а также на *комплект зимней резины*, он плюсовал в «Альпинисте» к базовой стоимости «тойоты».

Человек полагает, а бог располагает. Наступил день, когда новехонькая, маде ин джапан, «тойота» под восхищенные присвисты дворовых ребят и мужиков вкатила в совместный гараж Фирюлина и Антона. Дома он опростал «Альпинист» от оставшихся купюр, которые разделил на две части: одну за курсы водителей и гаишные оформительские поборы, другую –

на зимнюю резину, что собирался приобрести ближе к зиме, не торопясь поискать подешевле.

Время курсов пробежало скоро, остались формальности гаишного оформления... На всю дальнейшую жизнь Антон запомнил тот день, когда он получил отказ в правах. Ему разъяснили без околичностей: права ему выдать не могут по существующим законам, поскольку гражданин Котелкин Антон Николаевич состоит на условном, без осмотров, профилактическом учете городского психоневрологического диспансера, в какой-то названный гражданин обращался <дата> по направлению горвоенкомата <подпись, печать>. И помета: «Выдана по квалификационному запросу ГИБДД для оформления водительских прав».

Малопьющий Антон сорвался, в запое растратил деньги на зимнюю резину. Хорошо запил в отпуске, а то бы уволили из оптовки. Радости единичны, а беды толпами ходят. Пока Антон гудел в запое, приехал разгневанный сын-бизнесмен Фирюлин, выгнал из

гаража Антонову «тойоту», бросив ее прямо у дороги перед кооперативом. В первую же ночь ее, еще не застрахованную, угнали. С концами. Отрезвев и погоревав скупом, по-мужски, Антон женился на своей подчиненной-учетчице, а через пять лет заменил на посту наемного директора оптовки, ушедшего на пенсию (по малому, не дошедшему до наказания, воровскому делу) дальнего родственника своей супруги. Она же готовится подарить Антону второго сына. По показаниям УЗИ. Сам же Антон ездит только на положенной ему по должности служебной машине, а вечерами иногда читает «Капитал», купленный в «Буккниге», заходит по выходным к Сергею Ильичу Фирюлину, извинившемуся за гаражное самоуправство сына: «Бог с ним, с жертвой буржуазного потребительства. Правильно старина Маркс сказал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист за десять процентов прибыли, а за двадцать и мать родную удавит... что-то, Антон, в этом роде».

